

УДК 271.2(47)(091)

Развитие концепции религиозного раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С. М. Соловьев, А. П. Щапов)

А. С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Сравниваются доктрины религиозного раскола Русской православной церкви государственной школы (С. М. Соловьев) и демократического направления (А. П. Щапов). В исторической концепции Соловьева раскол рассматривался как явление, протяженное во времени (отрицание реформ Никона, Петра I), но локальное, не затрагивающее магистрального направления развития России. Причины старообрядчества историк видел в консерватизме части крестьян, обусловленном бытом, отсутствием религиозного просвещения. Щапов описал раскол как противоцерковное и противогосударственное народное движение в новой истории России, имеющее глубокую духовную (особое мировоззрение) и мирскую (непосильная эксплуатация) мотивацию – за «истинную» церковь, за справедливое государство, характеризующее, говоря современным языком, ментальность масс. Внутри государства раскол существовал как альтернативная (самобытная) форма русской истории (государство в государстве) – созидательное, организованное движение масс, «федерации старообрядческих общин», в будущем, окормляемое «новой, русской крестьянской верой».

Ключевые слова: религиозный раскол Русской православной церкви, государственная школа, демократическое направление, историческая концепция, историзм, консерватизм, либерализм, демократизм, федерализм, Никон, Петр I, С. М. Соловьев, А. П. Щапов, альтернативная (самобытная) форма русской истории, «новая русская крестьянская вера», сравнительно-исторический метод.

Концепция религиозного раскола Русской православной церкви С. М. Соловьева. С. М. Соловьев о предпосылках религиозного раскола Русской православной церкви

Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) – автор «Истории России с древнейших времен» в 29 томах, развивал в отечественной историографии концепцию государственной школы, исследовал «великий процесс собирания земли, сосредоточения, объединения власти» [4, с. 35]. Как носитель нового для своего времени историзма, либеральных идеи и ценностей и сторонник петровских преобразований, он, в соответствующих томах «Истории», стремился доказать, что в России второй половины XVII в., в переходную эпоху «от старого к новому», складывались предпосылки реформ, необходимость которых осознавалась населением.

Более того, о насущности реформ в государстве Соловьев рассуждал от имени народа. В первой главе тринадцатого тома «Россия перед эпохой преобразования» (1863) он писал о том, что «экономическая и нравственная несостоятельность общества» были осознаны, народ «рвался из пеленок», в которых его дольше, чем следовало, «держала судьба». «Вопрос необходимости поворота на новый путь» был, по мнению Соловьева, решен [4, с. 130].

Важную, а может быть и важнейшую причину, вызвавшую переход «народной жизни» от «древней русской истории» к «новой», С. М. Соловьев справедливо видел в крепостном праве, которое свидетельствовало о «страшном банкротстве страны». Одновременно, по определению историка, «молодой, живой, исторический русский народ» искал выхода из этого «отчаянного положения», стремился «улучшить экономическое состояние» отечества, «вести город» «в село». Движение России в течение полутора веков «по новому пути», «преобразовательная деятельность», заключал Соловьев, привели к освобождению крестьян, к победе «новой России» [4, с. 102, 103].

Возникшее и набиравшее силу во второй половине XVII в. в России старообрядчество не вписывалось в доктрину московского историка. Раскольники не принимали реформ Никона, а затем и Петра I, которого объявили антихристом, защищали «старину», выступали против перемен в церкви и государстве.

Противоречия требовали объяснения. Ученому необходимо было соотнести разнонаправленные исторические потоки – за реформы и против них, ответить на вопрос, почему движение страны по пути перемен встретило сопротивление у старообрядцев. Наконец, важно было понять, чего хотел в теории и добивался на практике этот отвергающий реформы народ.

К религиозному расколу Русской православной церкви Соловьев обратился в четвертой главе «Продолжение царствования Алексея Михайловича» одиннадцатого тома «Истории России с древнейших времен», который был издан в 1861 г. В тринадцатом томе «Истории», опубликованном в 1863 г., в разделе «Россия перед эпохой преобразования» он вернулся к истории «раскола».

В оглавлении темы «Продолжение царствования Алексея Михайловича» (1861) историк сформулировал суть вопроса, который исследовал: «Раскол, его причины».

Обращаясь к истории старообрядчества, Соловьев вынужден был под давлением фактов отступить от своей доктрины преобразований – от утверждения о наличии у «народа» преобразовательных стремлений в проправительственном духе. Он констатировал, что на практике понимание необходимости реформ было присуще далеко не всем. Ее, по словам Соловьева, «чувствовали» «люди, обладавшие более широким взглядом», «правительство» [3, с. 192].

А что касается крестьянства, то оно, по мнению Соловьева, было настроено консервативно и являлось потенциальным носителем старообрядческой идеологии. Согласно наблюдениям историка, выработке консервативных настроений «народонаселения» способствовали объективные условия жизни: пребывание среди «немногочисленного ряда неизменных явлений», «застой», географическая обособленность страны от других народов.

По заключению Соловьева, неизменность явлений окружающей среды порождала у крестьянина мысль об их вечности, «божественном освящении», толкала к консервации сложившихся отношений. А «сельский быт со всеми его неблагоприятными для развития условиями преобладал в Московском государстве».

«Сельское народонаселение», суммировал он, «упорно держится старого, тяжело на подъем», «все новое» кажется ему «чем-то страшным, враждебным, греховным, является произведением высших, таинственных и враждебных сил» [3, с. 193].

Вывод, который делал ученый из анализа условий жизни крестьянства, перечеркивал его собственные утверждения о реформаторских намерениях «молодого, живого народа», свидетельствовал об отсутствии в массах стремления к переменам.

С. М. Соловьев о причинах возникновения религиозного раскола Русской православной церкви

Если крестьянство, по словам Соловьева, было консервативно в обыденной жизни, то тем более приверженность традиции господствовала у него в религиозных вопросах. Уровень просвещения народа, по наблюдениям историка, в то время не позволял отличить «существенное от несущественного». Изменения «во внешней обстановке религии, в обряде богослужебном» казались людям еще более греховными, чем перемены мирские.

Когда, согласно описанию Соловьева, в Московском государстве при патриархе Никоне произошло «исправление книг», «приверженцы старины увидели в этом наступление «изображенных в Апокалипсисе» «последних времен», оценили как акт «действия антихриста» [3, с. 194, 195].

В народе, констатировал Соловьев, укрепилось представление о трех эпохах антихристовых. Причем третья эпоха, суть которой, по мнению старообрядцев, заключалась в отпадении Восточной России от православия вследствие перемен церковных и гражданских, наступила в период реформ Никона [3, с. 195].

Соловьев задавал неизбежный для просвещенного россиянина, жившего в середине XIX в., вопрос: почему раскольников жестко преследовали за вещи несущественные – за различие в обрядах, за буквы? И сам отвечал на него. Критики старообрядчества находились на том же уровне знаний, что и старообрядцы. Крестьянство, оставшееся в лоне официальной церкви, как и раскольники, не видело разницы между существенным и несущественным, не понимало духа православного учения, ратовало за букву.

Историк как просветитель, вслед за клерикально-охранительной историографией, предполагал, что раскол можно было предотвратить с помощью знаний, науки. Противоцерковное движение, по его убеждению, не возникло бы, если бы пастыри церкви осознавали «законность перемен», если бы могли объяснить пастве, что «новизны» являются возвращением к истинным древним канонам. Но среди священников, монахов, архиереев нашлись люди, которые церковные реформы Никона оценили как «нарушение истиной веры». Они стали вождями движения [3, с. 195].

На Московском соборе в феврале 1666 г. архиереи постановили «употреблять новоисправленные книги». В спорных вопросах – «крестного знаменья, аллилуйи» и пр. – решили «сообразовываться с восточною православною церковью». Раскаявшиеся протестанты были прощены, а нераскаявшиеся – протопоп Аввакум, дьякон Федор, поп Лазарь – преданы анафеме и наказаны. У Федора и Лазаря вырвали языки, а Аввакума заточили в Пустоозерский острог [3, с. 272, 273].

Раскольники, по заключению Соловьева, считали власть антихристовой. Они явились не только «церковными», но и «гражданскими мятежниками». Оказавшись вне церковной иерархии, лишенный единого учения, раскол, как заметил ученый, распался на множество толков.

С этим религиозным «мятежом», подчеркивал Соловьев, духовенство справиться не смогло. Раскол стал постоянным явлением русской жизни.

Идеология и практика старообрядцев, подытоживал Соловьев, были направлены «против преобразований, против науки» [3, с. 195].

Идея о молодом, полном сил народе, нацеленном на проводимые сверху реформы, вступала в «Истории» Соловьева в противоречие с идеологией и практикой старообрядчества.

Историк, вслед за Щаповым, поставил вопрос о старообрядчестве. Однако он прошел мимо коренных вопросов истории раскола. Соловьев умолчал о причинах исторической устойчивости старообрядческой общины в условиях изменяющейся реальности. Он ничего не сказал об истории и основаниях гражданского неповиновения старообрядцев. Ученый, рекомендовавший следить за связью явлений, не раскрыл этапы движения общины раскольников, его масштабы, результаты. А главное, он не увидел места старообрядчества в жизни народа, в истории страны. Поставив вопрос, Соловьев не дал на него развернутого ответа, вывел подробное рассмотрение проблемы старообрядчества за скобки собственной доктрины, своей «Истории».

Раскол земства и Русской православной церкви: концепция А. П. Щапова. А. П. Щапов о предпосылках раскола земства и Русской православной церкви

Взгляды А. П. Щапова (1831–1876) на отечественную историю в целом и на религиозный раскол Русской православной церкви в частности принципиально отличались от концепции С. М. Соловьева.

С доктриной отечественной истории московского ученого («История России с древнейших времен» выходила в свет ежегодно с 1851 г.) сибиряк был знаком и, более того, испытал ее влияние. Однако о старообрядчестве Щапов написал раньше, чем Соловьев. В момент выхода «Русского раскола» из печати (1859) автор «Истории России с древнейших времен» еще не довел свое повествование до середины XVII в.

Сергей Михайлович прочитал книгу Щапова «Русский раскол старообрядства» до того, как сам приступил к исследованию истории раскола, и высоко оценил труд сибиряка. Он заметил не только положительное отношение автора к реформам, присущее этой книге, но и особенности нового метода, примененного историком к исследованию старообрядчества. «Г[осподин] Щапов, – пи-

сал С. М. Соловьев, – с замечательным талантом сделал счастливую попытку указать на происхождение и причины силы и долговременности раскола. Он искал этих причин не во внешних случайных явлениях, но во внутреннем состоянии общества» [5, с. 415].

В монографии «Русский раскол старообрядства» (1859), увидевшей свет после защиты магистерской диссертации «О причинах происхождения и распространения раскола, известного под именем старообрядства во второй половине XVII и первой половине XVIII столетия» (1857), А. П. Щапов находился на перепутье между воззрениями клерикально-охранительного (церковного) направления, государственной школы (положительная оценка реформ Никона и Петра I, созвучная концепции С. М. Соловьева) и симпатиями к народу, но эволюционировал в сторону демократической идеологии, которую он в дальнейшем (1860–1876) исповедовал [2, с. 65–68, 132–226].

Применительно к теме раскола новая идеология и концепция получили развитие в работах А. П. Щапова «О русских раскольниках (В память тысячелетия России)» (1861), «Земство и раскол I» (1861) (опубликовано отдельной книгой в 1862 г.) и др.

А. П. Щапов о причинах и сущности раскола земства и церкви

Щапов как демократ, основоположник народничества, федералист разошелся со сторонником централизации, ценителем реформ Петра I С. М. Соловьевым [2, с. 132–226].

Соловьев, характеризуя «бунташный век», пытался главным образом обосновать предпосылки реформ, которые считал необходимыми, показать единство государства и народа в стремлении преобразовать страну, солидаризировался с царем и «элитой», интересы которой отождествлял с интересами народа. Старообрядчество он описывал как результат бытового и религиозного консерватизма части крестьян и выводил протест за пределы магистрального развития страны.

Щапов в работе «Земство и раскол I» интерпретировал перипетии русской истории XVII в. иначе. Он рассмотрел предпосылки и историю раскола от его возникновения до XVIII в. включительно, а в других работах – до середины XIX в.

Условия сохранения единства земства, совместной работы «государства и народа», недопущения раскола, по мнению Щапова, были. Они выразились в избрании в 1613 г. на земском соборе Михаила Романова «по записи совета всей земли», в потребности нового земского строения «на свободных, излюбленных народом началах любви, совета и соединения», в праве на местные земские советы, земские соборы, «челобитную гласность», вольнонародную колонизацию [6, с. 246].

Однако власть, как утверждал историк, не реализовала их. Она повела дело по пути «московской централизации», которая стала «поглощать, сдавливать» «областную жизнь» [6, с. 253].

Если С. М. Соловьев писал о централизации, реформах Петра I как позитивном процессе, разделяемом народом, то Щапов, напротив, трактовал их как разрыв с народными интересами, обычаями. Он, в отличие от Соловьева, смот-

ревшего на преобразования как движение по пути «прогресса», соотносил реформы с народными потребностями, чаяниями, выраженными в источниках, а они свидетельствовали об ухудшении положения народа.

Глядя на преобразования «снизу», от земли, Щапов увидел не умоглядные основания поддержки народом реформ, как Соловьев, опиравшийся в данном вопросе на Гегеля, не только «просветительские», как его московский коллега, предпосылки раскола, а «народные», социальные причины протеста.

Суть перехода от «древней к новой» России Щапов усматривал в уничтожении «старой земско-областной народной древней России» и в насильственном введении ее «во Всероссийскую империю» (последнее десятилетие XVII в.).

Этот путь, по словам Щапова, был отмечен «ужасами кровавой народной борьбы» [6, с. 274].

Историк, между прочим, опровергал и мнение славянофилов о допетровской гармонии отношений. Он, опираясь на челобитные, констатировал, что в течение всего XVII в. народ «вопьял» к царю о приказном произволе, о непомерных налогах, стеснениях, о поглощении «интересов земства» «прибылью государевой казны» [6, с. 253].

Исследователь писал о наличии «сословно-разъединительной рассортировки земства», об окончательном прикреплении крестьян к земле, об их делении на помещичьих, казенных, дворовых, о разведении горожан и поселян, выделении «военного сословия, солдатства», обособлении духовенства как «особой сословной касты» от земства.

Наконец, согласно замечанию Щапова, по инициативе власти при Алексее Михайловиче произошло разделение между «государевым, царственным и народным земским делом», «отпадение земских людей» от «государева московского государства». Причина: царь «не дал записи совету всей земли», «стал править по своей воле» [6, с. 255, 268].

Разделение государева царственного и народного дела, «нестройность» земского устройства, по словам Щапова, породили «разлад и раскол» в земстве, привели к народным бунтам второй половины XVII в. – московскому, коломенскому, псковскому, «бунту Стеньки Разина» (1670–1671), выступлениям стрельцов.

Эти народные выступления историк оценивал как обусловленные социальными и религиозными причинами протесты земства и раскола [6, с. 257].

Раскольники собирали под сенью своего мировоззрения всех недовольных положением дел.

Первоначально старообрядчество, по словам Щапова, заявило о себе как протест против исправления «старых церковных книг», затронуло лишь «земских грамотников», но затем от них перешло в народ. Стремление уйти из «антихристовых» областей подталкивало старообрядцев к тому, что они, опираясь на привычные формы организации, пошли путем «новой колонизации» в «пустыни».

Отсутствие у «протестантов» единого идеологического центра вело к дроблению раскола на разные толки, согласья.

Старообрядчество, как подчеркивал Щапов, в соответствии со своей земско-областной теорией приняло «областное направление и устройство»; каждое согласие стремилось основать свою «федерацию, свой союз общин» [6, с. 283]. Появились поморские, стародубские, донские, керженские, казанские, сибирские, саратовские и другие общины, а также московская община [6, с. 261].

Исследование Щапова опровергало тезисы Соловьева о единстве государства и народа в деле преобразования страны, о консерватизме крестьян. Историк констатировал наличие в народе протестных настроений и действий, касающихся не только религии, но и всего спектра социальных вопросов. Щапов подошел к расколу как явлению, охватившему все сферы жизнедеятельности общества, в том числе идеологию, и, опираясь на документы, шедшие от крестьянства, обосновывал «народный» взгляд на задачи, формы и методы движения страны вперед.

Для него переход «от старой России к новой» означал разрыв с «жизненными» «народными началами», который и привел к расколу земства, земли и государства, церкви, к идейному объединению всех «протестантов» в лоне старообрядческого мировоззрения.

Историк описал исторические предпосылки раскола внутри земства (народа), причины раскола между властью и народом (подчеркнул ответственность власти за раскол), появление и развитие собственно религиозного раскола как движения земства, обусловленного религиозными причинами, и идейное оформление старообрядческим мировоззрением всего протестного движения.

Он показал, как власть отрывала «государственное, царственное дело» от «народного, земского», как игнорировала интересы народа, ломала привычный уклад его жизни.

Рассуждая о причинах раскола в земстве и в церкви, Щапов, в отличие от Соловьева, видел не только апокалиптические настроения паствы, но и земские начала движения. Он считал русский народ реалистом, носителем «естественных воззрений». Согласно замечанию историка-демократа, основой земского строения на Руси была земля, людей называли земскими людьми, собрания – земскими советами, статистические таблицы – земляным делом [6, с. 290].

А. П. Щапов о расколе земства и церкви в России XIX в.

О расколе в России XIX в. Щапов высказался в небольшой публицистической статье, написанной, по свидетельству Н. Я. Аристова, в 1861 г., но ранее «Земства и раскола» – «О русских раскольниках (В память тысячелетия России)», а опубликованной в 1883 г. [1, с. 111].

Историк подчеркнул перманентность, глубину «разлома» в теле России XVII–XIX вв. Он обратил внимание «просвещенного меньшинства» на тот факт, что и спустя 200 лет после реформы Никона раскол страны (земства и церкви) не изжит.

Сегодня, констатируя Щапов, характеризуя текущее время, «рядом с сельской общиной, с крестьянским миром» существует другая «демократическая община – р а с к о л». Она насчитывает «до 10 миллионов последователей» [7, с. 174].

В действительности сочувствующих «старой вере» было гораздо больше. В середине XIX в., по заключению исследователя, старообрядцам сопержива-

ло «все крестьянство, самая большая часть купечества, мещанства, и солдатства» [7, с. 175].

Историк, справедливо обращавший пристальное внимание на социально-экономические причины раскола, вновь, как и в первых своих работах по старообрядчеству, подчеркнул те нравственные мотивы, которые волновали сторонников «старой веры» в середине XIX в.

По мнению старообрядцев, переданному Щаповым, в России середины XIX в. «дух антихристов» проник в официальную церковь, государственные учреждения, семью. Он, в частности, был виден в «пленении священников серебром»; в назначении на государственные должности нечестных; в непочтении детей к родителям; в ненависти отцов к детям; в любви к богатым; в беззаконии, лихоимстве, немилосердии, пьянстве; в любви к обычаям чужих стран и т. д.

Историк, характеризуя нравственные основания старообрядчества, в частности, ссылаясь на «плач», написанный в 1841 г. раскольников, «заводским человеком» Орефьем Лазаревым Ключевым.

«По грехам нашим на нашу страну...

Дух антихристов возвевал на нас.

Священнический чин серебром весь пленен...

В сластолюбии которые, тех почтили всех,

Честными нарекли, на седалищах первыми учинили...

Сродников бедных возгнушались,

Почитанья родителей не стало;

Отцы чад своих возненавидели.

С богатыми и с недобрыми любовью все соединились...

Вместо законов водворилось беззаконие;

Лихоимцы все грады содержат.

Немилосердные в городах первые...

Пьянственные дома для объядения и веселья растворились.

К обычаям стран чужих любезно все пристрастились.

Познавай, душа, собор мал оставшихся христиан».

Заключение

Щапов первый в отечественной историографии подошел к старообрядчеству как развивающемуся явлению, обусловленному социально-экономическими и религиозными причинами. В «своей» истории «староверия» он поднялся выше эмпирических фактов, отдельных событий, схоластических объяснений.

Историк, в отличие от Соловьева, учитывавшего преимущественно религиозные основания раскола, описал старообрядчество как объединившую «все бывшие и будущие разрозненные народные движения» «общинную оппозицию податного земства, массы народной, против государственного строя церковного и гражданского».

Если С. М. Соловьев ограничился рассмотрением лишь начального этапа развития раскола, а затем «снял» тему с обсуждения, словно явление перестало существовать (так же, кстати, поступала и советская историография), то Щапов обратил внимание на староверие как на движение, которое из XVII в. шагнуло

в XIX в., стало реальностью современной жизни, постоянным фактом новой русской истории.

Ученый квалифицировал раскол не только в духе Соловьева как противогосударственное и противоцерковное движение, поклонявшееся «старине». Щапов интерпретировал историю старообрядчества и как альтернативное, шедшее «помимо государева дела» (государство в государстве) созидательное движение народа в XVII–XIX вв. вперед – создание «новых общин, согласий, сходов, советов, соборов» – «федерации, союза общин» и осуществление новой колонизации [6, с. 258, 259].

Он подчеркивал, что раскольники занимались и «духовным строительством» – «измышляли свою новую, русскую *крестьянскую* веру» [6, с. 263].

Созидательной стороны старообрядческого движения Соловьев как историк государственной школы не видел. Этому, в частности, мешала его теоретическая позиция.

Старообрядчество, согласно концепции историка-демократа, было явлением не частным, локальным, а масштабным, народным, характеризующим историю России, ее специфику и, говоря современным языком, ментальность народа.

Исследователь, освещая историю раскола страны, думал о будущем. Обращаясь к потомкам, он задавал, может быть, важнейший вопрос истории России: «Не сойдутся ли когда-нибудь между собою» два пути: «научно-просвещенный... и... пролагаемый самородной доктриной... массы народной»? [7, с. 180].

Щапов надеялся, что в будущем в России раскол земства и церкви будет изжит.

Список литературы

1. *Аристов Н. Я.* Афанасий Прокопьевич Щапов. Жизнь и сочинения / Н. Я. Аристов. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1883. – 192 с.
2. *Маджаров А. С.* Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории» / А. С. Маджаров. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1 им. В. М. Посохина, 2005. – 528 с.
3. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Сочинения. В 18 кн. Кн. 6 / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1991. – 671 с.
4. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Сочинения. В 18 кн. Кн. 7 / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1991. – 701 с.
5. *Соловьев С.* Уния, казачество, раскол / С. Соловьев // Атеней. – 1859. – № 8. – С. 415.
6. *Щапов А. П.* Земство и раскол I. Избранное / А. П. Щапов. – Иркутск : Оттиск, 2001. – 368 с.
7. *Щапов А. П.* О русских раскольниках (В память тысячелетия России) / А. П. Щапов // А. П. Щапов (Жизнь и сочинения) / Н. Я. Аристов. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1883. – С. 174–180.

Development of the Concept of the Russian Orthodox Church Splitting and the Zemstvo in the Late XIX (S. M. Solovyov, A. P. Shchapov)

A. S. Madzharov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Two doctrines of Russian Orthodox Church splitting are compared; they are the doctrines of the state school of thought represented by S. M. Solovyov and of the democratic movement represented by A. P. Shchapov. In Solovyov's historical concept of schism is viewed as a prolonged phenomenon (rejecting reforms of Nikon and Peter I), but local and not affecting main development of Russia. For Solovyov the causes of the Old Believers' rise were conservatism of the part of peasants underpinned by their mode of life and lack of religious education. Shchapov described the schism as anti-church and anti-state popular movement in the modern history of Russia having deep spiritual (specific worldview) and worldly (excessive exploitation) rationale – for the “true” church, just government, that was illustrative of, to put it in modern way, mentality of masses. Inside the state the schism was an alternative (authentic) trend of Russia history (a state within a state) – creative orderly mass movement – “the federation of the Old Believers communities” – to the future framed by a “new Russia peasants' faith”

Keywords: Russian Orthodox Church splitting, state school of thought, democratic movement, historical concept, historical method, conservatism, liberalism, democratism, federalism, Nikon, Peter I, S. M. Solovyov, A. P. Shchapov, alternative (authentic) trend of Russia history, “new Russia peasants' faith”, comparative historical method.

Маджаров Александр Станиславович

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России, исторический
факультет*

Иркутский государственный университет

664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1

тел.: 8(3952)243875

e-mail: massa49@yandex.ru

Madzharov Alexander Stanislavovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia, Faculty of
History*

Irkutsk State University

1, K. Marx st., 1, Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952)243875

e-mail: massa49@yandex.ru